

КИР СЕМЁНОВ

ПИТРА

16+

Кир Семенов

Митра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42696909

SelfPub; 2019

Аннотация

Версуман – пространство символов и идей, где реальность зависит от философии и видения того, кто его читает. В этом бескрайнем пространстве обитают последователи архаичного бога митры, верные рыцари и поэты. Однажды, в роковой час, они встречаются с культурой агрессивных людоедов, имеющих совершенно иную философию бытия. Фатальная цепь событий приводит к неожиданному развитию конфликта, обращая бытие в подобие религиозной притчи. Но где же скрыта правда?

О Версуман... Величайшее пространство символов. Обманчивая сущность, в которой сосредоточено все бытие в виде отдельных фраз, букв, и целых текстов на языках прошлого, настоящего, и быть может даже будущего. Он существует там, где есть, кому прочесть его, и реальность читающего строго зависит от возможности прочесть, впиться разумом в версуман и заставить его стать реальностью вокруг, либо стать реальностью для кого-то. Великой силой наделены в нем слова и символы. Читаемое на разных языках обретает здесь вид наиболее близкий к философии читающего.

В пламени войны это столкновение понятий, искажающее малые пространства, и лишь влияющее на большие. Слабая воля и примитивный язык не лучший друг для живущего в уединении где-то на просторах версумана. Его реальность может быть легко искажена сильными и сложными словами.

Впрочем, в мирных местах языки сплетаются в калейдоскоп чудесных преобразований. Люди способны совместно читать из версумана миры поражающие воображение своей сложностью и красотой! Но, к сожалению, беспокойная человеческая природа обладает неистребимой, порочной страстью к борьбе...

Чудесный храм Митры расположился где-то в версумане. Его уходящая ввысь Священная Башня, спиралью пронзала небеса, а цитадель из святого белого камня была широка и неприступна. Версуман неспособен был поглотить реальность этого окруженного белыми кирпичными стенами

места, и люди здравствовали здесь, возводя милейшие каменные дома с угловатыми соломенными крышами, разводя фруктовые сады и цветущие огородики.

На многие тексты вокруг храма Митры не было ничего кроме редких общин митраитов, проводивших свои дни в выращивании чая, медитации, или воинских упражнениях. Бороздя версуман, воины-митраиты не встречали иных противников кроме злобных фантазмагорических существ и собственных теней воплощенных обманчивой реальностью версумана. Бывали иногда лишь стычки с редкими преступниками среди своих, но они быстро заканчивались. Близость душ людей объединенных пониманием Митры, не располагала к взаимной ненависти.

В полдень митраиты оставляли свои дела и шли на молитву. Молитвы их были благим словом, взывающим к тишине. Они были похожи на шелест травы и цветов в бескрайнем поле. Их молитва освобождала душу и разум, позволяя обновленному человеку вновь браться за труды свои так, словно бы он как следует отдохнул.

Воинские упражнения их был суровыми, ведь приходилось часто сражаться с самим собой на просторах версумана. Они оттачивали искусство сражения с мечем и щитом, а так же получали глубокую психическую подготовку.

Далеко не все митраиты были воинами. По натуре своей они были скорее поэтами лишь грезящими о войне, но предпочитающими жить в мире. Собранный вовремя чай был для

них дороже пролитой крови.

Так и проводили они свои дни, во сне наяву, в четком балансе между потом и кровью ежедневного быта, и расслаблением и счастьем молитвы и медитации.

Неизвестно было, откуда пришли каннибалы, говорившие на языке Тумёган Годжон. Они появлялись большими группами, на кораблях, под ужасный вопль поднятых на них омпипарусов, разоряли общину, поедали людей, и исчезали как жуткие призраки, оставляя после себя только искаженную Тумёган Годжоном реальность, и болезненную пустоту. Так воины Митры впервые встретили кого-то, кто был похож на них, но отличался достаточно, чтобы первый раз породить Страх.

Разглядывая чуждые, но смутно знакомые символы годжона, митраиты, говорящие на Коччи Хабчане не могли придти к Пониманию, хоть и научились обращать оставшиеся в версумане слова яростного как молния годжона в спокойный как сон орхидей – хабчан. И версуман вокруг храма Митры, впервые за века стал тревожным.

Жизнь в версумане – череда взглядов в черные окна. В мир идей и символов вселенского текста, на языках происходящих равно из совершенства простых форм и сложной грязи созданной текучей плоскостью бытия. Разум это дверной молоток. Глаза – ключ. Рот, язык, и рождаемая разумом мысль – способ изменять реальность, находится в ней, быть с ней единым или порознь.

По заветам Митры – череда взглядов в черные окна порождает удивительный способ жизни внутри текучей плоскости бытия. Сосуществование в мире Идей.

Идея – единственный способ приведения хаоса к порядку. Этому учит истинный язык Митры – Коччи Хабчан. И так читается реальность вокруг. Сейчас, тонкими, многочисленными линиями то взвивающимися вверх мириадами голосов, то ниспадающими вниз оглушительной тишиной, пишется символами хабчана жизнь рыцаря Хван Самнанга, начинающего свой путь в Цветочной Крипте храма Митры, осаждаемого самой чудовищной ордой каннибалов Тумёган Годжон, появившихся на ставшем легендой Шепчущем флоте, буквально из ниоткуда.

Хван Самнанг сколько себя помнил, был верным рыцарем Митры, и собственным телом защищал каждое слово в храме, и каждого человека, в каждой деревне, что вычитали себе кусочек реальности из версумана. И в это трудное время, когда Тумёган Годжон кроважально искажал реальность белокаменной цитадели Митры, долг звал его с утроенной силой.

Он облачался в траурные одежды под пение многих десятков голосов, что в разных уголках храма создавали его реальность слово, за словом читая её из версумана.

Его сильное, но довольно сухое, белокожее тело походило на гротескный образ мощной, длинноногой гиены, и притом было достаточно грациозным.

Траурные одежды белых и синих цветов казались лепестками тюльпана, обернутыми вокруг его тела на манер туники, а широкий бархатный пояс был украшен цветком альстромерии. Короткие черные волосы покрыла коническая, круглая, широкополая соломенная шляпа нонбайтхан. Её лакированная поверхность была по кругу проклеена полосками кожи, испещренными плачами-призывами на хабчане. Нонбайтхан разумеется, была важной частью ритуального облачения воина Митры, частично скрывавшей глаза от позорной жажды убийства. Даже сейчас Хван Самнанг, до конца соблюдал, кажущиеся в этот день чужими заветы Митры.

Оруженосцы Цветочной Крипты одели на Самнанга иссиня-черный чешуйчатый доспех из металла, чье название есть лишь в языках гневных проклятий. Каждая ромбическая чешуйка этого доспеха, отражала солнечный свет как маслянистая черная лужа, внушая суеверных страх тем, кто не знал о природе этого металла. Так же, оруженосцы вложили в его руки такого же металла прямой меч, и круглый щит, украшенный лишь выгравированными растительными орнаментами.

Стены крипты покрыла рябь, и из векового камня выступили жилы, что лопались и кровоточили. Рыцари-каннибалы языка Тумёган Годжон шли вслед за волной своей кровавой жажды и пиршествовали всюду, где их Идея брала верх.

Чтецы стонали, и решительно читали хабчан, отыскивая его в кровавой ряби и останавливая изменение реальности

цитадели. Слова годжона вторгались в слова хабчана, и цветущее многоликое мироздание обращалось частоколом костей, уходящим в кровавое небо. На острых осколках взрывались пузыри человеческой крови. Такое извращение не было угодно Митре. Слабые духом митраиты, терявшие волю, и оттого попадавшие в реальность захватчиков, поедали друг друга, запивая кровоточащее мясо, священным чаем из хризантем и гибискусов.

Дома из белого камня, в которых жили обитатели храма, искажались уродливыми полукруглыми барельефами, от одних взглядов на которые, стыла кровь.

Хван Самнанг лишь слышал все ужасы сквозь стены цветочной крипты, и ярость пополам с горечью обуревали его.

Его неширокие, миндалевидные глаза насыщенного оранжевого цвета сузились в гневе, обратив тонкие черты молодого лица, нос с горбинкой, и сухие пухлые губы в пугающую маску, поспешившую скрыться за полами нонбайтхан.

Хван Самнанг крепко сжал ониксовую рукоять своего меча, и призвав оруженосцев защищать крипту, решительно шагнул на лестницу, ведущую к главному залу и алтарю.

Картина, что открылась ему, была кошмарнее любого сна. Всюду были изъеденные и изломанные тела, как каннибалов, так и митраитов. Стены храма более не являлись ими, поскольку идея священной стены из белого кирпича была искажена годжоном в дурно пахнущие струпья и человеческие лица без кожи и глаз. Митраиты силились шептать хабчан,

запивая цветочным чаем не лезущее более в глотку человеческое мясо, но голод годжона брал верх. Орды каннибалов шли по улицам, то тут, то там хватая обезумевших людей, разрезая их и раздирая, чтобы насытиться, покуда умирающие пытались сотворить то же друг с другом. Хван Самнанг взмахнул мечом и произнёс слова, что были Идеей – грубой, неоформленной, но решительной. Чистый хабчан наделенный смыслом от рыцаря Хван Самнанга расцвел на костях буйным цветом белого лотоса, бутоны которого пели тысячей голосов, заставляя окровавленные струпья стен усыхать, растворятся и вновь становится благородным белым кирпичом. Мощное и чистое слово Коччи Хабчана, произнесенное человеком с достоинством, вернуло улочки храма Митры, ведущие к белокаменной цитадели, к более привычной и мирной реальности. Над алтарем Митры разлилась чудесная песнь, и яркий свет давно не существующего солнца осветил мрачную картину, заставляя митраитов приходить в себя, чувствовать скорбь и наконец, браться за оружие. Битва кипела по всей территории храма, от Белых Врат, до цитадели. Низенький, рыжий, с веснушками Ванна Йунг, розовощекий и с вечно кривой усмешкой застывшей на лице, вместе с ополчением удерживал внутренний двор, весь его задор и солнечный лик служили щитом этому месту. Голубоглазый гигант Колаб Ханьюл, с грубым лицом, словно выточенным из молочного опала, но черными, как смоль волосами, в одиночку бился на Священной Башне, поражая огром-

ным мечем прорывающихся со всех сторон врагов. Раненых защищал тощий, и с детства седой протак Сом Нгуен, бывший так рьяно, что мог посоперничать в жестокости с тумёган годжон. Его добродушное лицо сияло бесконечной глупой улыбкой даже тогда, когда он с силой вынимал меч из тела каннибала, вызывая фонтаны крови обдававшие всех вокруг.

Каннибалам не было числа. Там где умирал один, в следующую секунду появлялось десять вражеских рыцарей. Они не стесняясь жрали трупы прямо на поле боя, и лающий громоподобный годжон сопровождал их голод в виде выкриков, каких-то призывов и боевых кличей.

Еще живых людей, клокочущих вскрытыми глотками, утаскивали в угол и быстро пожирали. Вскоре каннибалы Тумёган Годжон заполнили все улицы и закоулки храма Митры.

В итоге, за спиной Хван Самнанга образовалась лишь горстка воителей, что едва ли могла противостоять превосходящим силам каннибалов, однако их роль в Идее сосуществования была выполнена. Они познали годжон и обратили его в хабчан насыщая пространство теми словами, что между строк читались в годжоне но не были противны сущности Митры.

Кости обратились в причудливые костяные цветы, а человеческое мясо ритуальным яством.

Оскверненный храм обретал свою первоначальную чисто-

ту, ибо даже кровь собиралась в рубиновые ручьи, чтобы питать скорбные цветы из костей. Сосуществование что должно было обратить каннибалов к Митре, должно было быть достигнуто. Эта мысль придавала митраитам сил.

Измененная хабчаном речь была похожа на годжон но рыцари-каннибалы не восприняли её сущность и подняли мечи на горстку воинов, молчаливой ордой двинувшись на скудные ряды защитников. Зазвучали голоса, и та действительность, что мы познаем посредством туманного, отвлеченного восприятия прорвалась, растаяла. Стал слышен голос Хван Самнанга.

– Поднять щиты! Слово за нами!

Митраиты решительно двинулись строем на безумствующих каннибалов, что с животным воплем, остужающим кровь, бросились прямо на щиты и мечи наступающих.

Буря лепестков встретила с кровавым фонтаном и с обеих сторон несколько человек упали поверженные, хватаясь за отсеченные части тел и кровавые раны. Тела мертвых митраитов прорастали альстромериями, а рыцари-каннибалы оставались гнить, источая сладкий аромат человеческой плоти, что смешивался с запахом цветов. Вселенский вихрь забвения, кружащий в водовороте красоты и плоти, описываемой в терминах не подвластных сознательному пониманию, но описуемых посредством символов и идей годжона и хабчана, порочных братьев разведенных по разные стороны темной воды.

Удары клинков о щиты выбивали снопы искр, которые оседали над бойцами красным дождём окалин. Мечи каннибалов разрывали плоть, отыскивая её под доспехами. Мечи митраитов милосердно пронзали сердца. То и дело падали тела, рубка была нескончаемой.

Рыцари-каннибалы быстро теснили митраитов к крипте. Кто был моложе, видя за спиной приближающиеся врата святилища, не исполнялись мужества, но наоборот теряли самообладание, и оказывались повержены. Хабчан медленно обретал зловещие черты годжона. Рубиновые реки дурно пахли, а костяные цветы разверзли пасти, впиваясь в истекающий кровью белый камень, медленно разрушающийся и обнажающий никем не читаемый версуман, без идей, холодный.

Годжон обнажал натуру людей, их жажду выживания, и вот уже рыцари-каннибалы приступали к очередному пиршеству, словно питая безумный окружающий эрос своей страстью к поглощению плоти.

В проломы стен прибывали новые враги. Священная Башня рушилась, заставив Колаб Ханьюла отступить. Сом Нгуен и Ванна Йунг присоединились к отступающему Хван Самнангу.

Хван Самнанг глухо застонал и втокнул выживших бойцов в крипту.

Внутри тихо горела свеча, одна единственная на весь оставшийся мир. К остаткам стен жались женщины и дети,

оруженосцы стояли, обнажив оружие, связанные клятвой, не в силах покинуть крипту, чтобы помочь своим товарищам.

– Нужно бежать... – Сказанная маленькой рыжей женщиной, как приторно сладкий запах розы эта идея пошла по головам. Страх маскировал тот немаловажный факт, что бежать из закрытой со всех сторон крипты не представлялось возможным.

– Что делать, рыцарь? – голос сержанта Тханг Висны, капитана оруженосцев, едва подрагивал от ужаса. Он вышел из темноты с оружием наголо. Его узкие и абсолютно черные глаза с соколиной внимательностью оглядывали каждый миллиметр пространства. Высокие скулы на вытянутом лице, подрагивали от напряжения. Разорванная и сползшая на спину нонбайтхан обнаружила взъерошенную черную копну волос, отдельными прядями ниспадавшую до его вечно поджатых в раздражении губ.

Как раз в этот момент рыцари-каннибалы с голодным хрипом пытались пробиться в крипту. Было слышно, что за толстыми дверьми толпятся несметные их когорты. Наверху так же слышались звуки резни, видимо цитадель была взята еще раньше.

– Что делать... – Хван Самнанг утянутый водоворотом отчаяния вторил скорбному хору людей, которые вот-вот, буквально через несколько минут буду съедены.

С решительной обреченностью ринулся Хван Самнанг в битву и проиграл. Храбрость и готовность к самопожертво-

ванию покинули его, и остался только страх разъедавший стены священной обители не хуже слов Тумёган Годжона.

Тяжело осознавать себя бессильным. Существование становилось невозможным, формы, обретаемые от сопряжения хабчана с нынешней действительностью, не представляли собой ничего, что могло бы вселить надежду. Кровь, мясо, клыки. Кровь, мясо, клыки. Небо становилось красным, стены красными, и люди становились красным. Массовый приступ ритуальной эритропсии, поражающий бесконечной глубиной красного цвета. В голове звучал заунывно рог и вторил сам себе чудовищным эхом. Этот звук словно медленно перемешивал густую красную гуашь в красной банке, в красной комнате, с неровным светом красных факелов скрытых за выкрашенным в красный цвет стеклом.

Жизнь в версумане это не просто серия взглядов в черные окна, не просто беззвучный стук в пустоту с надеждой раскрытия разумом хоть строчки что даст твоей жизни Идею.

Хван Самнанг верный рыцарь Митры терял идею Существования. Процесс проходил больно для него. Хор превратился в крики, нестройный смех и гортанные вопли. Он стоял с опущенным мечом, пока ворвавшиеся в крипту рыцари-каннибалы вонзали свои мечи в тела людей. Их не волновали женщины, и плевать им было на смерти товарищей. Они пришли есть. Простота их идеи была настолько умиротворительна, сулила настолько больше Порядка, что самый верный рыцарь Митры дал слабину.

– Я не понял Митру. – Просто сказал Хван Самнанг и, опустившись на колени, принялся, есть чью-то руку. В лицо прыснуло чем-то красным, залив оранжевые глаза, что просвечивали даже сквозь кровь.

Снова красный. Хван Самнанг раздражался. Он ел и исполнялся ярости. Голода. Он чувствовал то, что раньше запрещалось чувствовать. Бесцельный гнев. Прежняя священная решимость, напыщенная храбрость и склонность к самопожертвованию будто бы исчезли.

Он стал максимально простым.

Не было пустого и неизвестного Хвана Самнанга. Не было рыцаря Митры. Был Митра. И Митра был не понят Хваном Самнангом. Теперь он, одетый в синие и белые траурные одежды, в шляпе нонбайтхан разбитой и лишённой сакральных плачей, стоял на коленях и ел человека.

Сержант Тханг Висна справился со своим страхом, и совершил величайшее кощунство, разбив стены крипты и открыв взору присутствующих черный и чистый версуман из букв, но без Идей. Вряд-ли бы он успел сделать хоть что-то для Хван Самнанга, который уже вошёл во вкус, доедая найденную плоть.

– Пусть хор подскажет, что тебе читать, рыцарь. – разочарованный в друге, Тханг Висна сказал краткий плач-мольбу за благополучие бывшего рыцаря Митры, и бежал вслед за жрецом, читавшим путь в неизвестность. В эту же секунду ненасытные орды ворвались в крипту, хватая тех, кто не

успел или не смог убежать, не тронув лишь пирующего Хван Самнанга.

В тот день из храма Митры спаслось от силы три сотни человек. Сосуществование было отвергнуто. А Митра остался лишь в цветах, проросших сквозь трупы. Сады были разорены, дома сожжены, люди убиты и съедены. Храм остался, изуродованный тумёган годжоном, Голод стал господствующей Идеей, и все, что было там – ело. Ел и Хван Самнанг, проливая слёзы. Доспех его стал не то медного, не то ржавого цвета от крови, что впиталась в него. Сама суть годжона превратила защиту его в Икону Голода. А меч направляемый Митрой – рассыпался в прах, не в силах обратиться вслед за хозяином.

Когда пир был закончен, рыцари-каннибалы молчаливо двинулись обратно к своим кораблям. Они брели, едва перебирая ногами, и многие умирали, прямо по дороге от полученных ран или разрыва желудка. Многие из них переели человечины.

Хван Самнанг шёл за ними, Потерянный и размышляющий. Сосуществование было отвергнуто. Но что же тогда сейчас происходит? Почему он бредет среди одиноких каннибалов, не тронутый. Тумёган годжон будто бы принял его, и Хван Самнанг думал им и мыслил. Заставило ли отчаяние или безысходность принять новые понятия? Или это был страх? Или что-то другое? Какое-то понимание?

Шепчущий Флот каннибалов стоял в спокойном версу-

мане, омываемый безмятежным пространством символов. С поднятыми омнипарусами он ожидал отбытия, ведомый рыцарями-с-защитами-ртом.

Сотни кораблей похожих на гордо поднявшего грудь сома, стояли, раскинув свои изящные, похожие на крылья скаотов омнипаруса, на фоне символов и слов хабчана что были уже неотличимо смешаны с годжоном образуя искаженную реальность с окровавленной землей проросшей кровавыми же цветами.

Никем не остановленный, Хван Самнанг медленно вошёл на борт флагманской каракки и услышал шум генератора приводившего в действие омнипарус. Под парусом разместился рыцарь-с-защитым-ртом и широко раскрыл глаза. Омнипарус утробно заревел на годжоне, и ему стали вторить голоса других парусов. Шепчущий Флот полный сытых каннибалов тяжело сдвинулся с места, поглощая слова куда-то вдаль, унося с собой мечущегося душой рыцаря Митры.

Хван Самнанг слушал чужие голоса, и силился Понять. Он с удивлением обнаружил, что все эти годы, когда Хабчан сплетался с реальностью, греховными мыслями, окончательно вырождая их, он не наблюдал в этом Понимания. Бывший рыцарь митры раз за разом вспоминал все, что с ним происходило ранее, и обнаруживал что хабчан проростал цветами сквозь понятия и символы, сквозь слова, но сам Хван Самнанг никогда не понимал, что за чудные или жуткие мысли пронзаются стрелами его понятий, теряя свою Суть. Он си-

дел на палубе в окружении сотен каннибалов и только сейчас его разум породил желание разглядеть их. Они были облачены в доспехи из толстой коричневой кожи, покрытой каким-то маслом. Доспехи были сплошь проклёпаны медными заклёпками, а лица скрыты причудливыми масками из кости и медных украшений. Вокруг голов их были обернуты длинные шелковые ткани, свободные концы которых спадали на плечи и ниже.

Вооружены они были удивительной красоты мечами с кривым клинком, на вогнутой стороне которого были зубья как у пилы. Рукояти были, словно продолжением клинка и частично повторяли его линии. По своей сути это были скорее длинные сабли с короткой пилой по вогнутой стороне, ближе к середине клинка.

Сейчас, сидя прямо на металлических плитах верхней палубы, они тщательно осматривали свое снаряжение, нежно правили клинки, и натирали маслом свои доспехи. Хван Самнанг ощутил аромат этого масла, он был странным, но по-своему приятным, словно запах хвои смешивался со вкусом зеленого чая.

Хван Самнанг обратил внимание на сидящего рядом с ним рыцаря-каннибала. Тот уже закончил свои приготовления. Бывший рыцарь митры показал на баночку масла у того на поясе и сказал это слово на хабчане.

Каннибалы рядом заёрзали и принялись к воздуху. Тогда сосед Самнанга снял баночку с пояса и сказал что-то

на годжоне. Самнанг повторил. Сидящие рядом каннибалы успокоились и вернулись к своим делам.

Каннибал передал баночку, и Самнанг, с трудом осознавая, что именно он делает, осторожно нанёс масло на свои доспехи. Что-то странное было в этом ритуале. Складывалось чувство, что он проявляет о себе отцовскую заботу. Запахло домом, и смутно вспомнилась погибшая в прошлом семья. По лицу рыцаря второй раз за день потекли слёзы. Он даже не заметил, как их жадно подобрал языком тот каннибал, что поделился маслом. Хван Самнанг ощутил неповторимый запах Жизни.

Прошло уже несколько дней. Шепчущий флот понемногу продвигался сквозь версуман, минуя причудливые полотна из смутно знакомых слов. Флот двигался, читая тумёган годжон в красноватой дымке, внутри пульсирующего как артерия тоннеля. Сердце Хван Самнанга сжималось, когда он встречал смутные бледные отрывки, всего пара букв, или строчка. Это был кочки хабчан.

– Где же ты сейчас Тханг Висна? – Вслух подумал Хван Самнанг о своем сержанте. Он испугался собственного голоса, потому что говорил он на странной помеси хабчана и годжона. Каннибалы шумно приняхались, а тот, что делился маслом, подсел поближе и обнюхал Хвана. Бывший рыцарь Митры замер и приготовился, в случае чего бросится с борта.

Но, кажется, все обошлось.

Из еды на корабле было преимущественно различное мясо, изредка к нему добавлялось пахучее масло и специи. Запивалось все это напитком, который каннибалы именовали Сома. Был особый порядок питания, сначала ели рыцари-с-защитными ртами, для этого с них снимали маски, разрезали швы на губах и разбегались от них подальше. После того как те насыщались, жадно поглощая предложенную пищу и Сому, им снова зашивали рты и одевали маски, уже спокойно и без опаски. Затем ели каннибалы поменьше и только потом самые крупные. За то время пока Шепчущий флот куда-то шёл, Хван Самнанг научился примерно отличать мужчин-каннибалов от женщин, узнал некоторые обычаи, и выучил тумёган годжон, благо тот был отдаленно похож на хабчан, что заставило Хван Самнанга сильно задуматься.

Через пару недель бывший рыцарь Митры уже был способен полноценно общаться с каннибалами, хотя те разговаривали редко даже друг с другом.

Тот каннибал, что предложил масло и волей неволей стал товарищем Хвана, оказался девушкой по имени Свай Тиен. С ней Хван понемногу учил годжон. Когда он пытался учить её в ответ хабчану, та отрицательно качала головой, и прикладывала ладонь ко рту бывшего рыцаря Митры.

– Грех – говорила она на годжоне. Первое время Хвана это даже оскорбляло, но вскоре он стал задумываться, имеет ли он право на этот гнев. Впрочем, иногда она украдкой спрашивала то или иное слово, и Хван так же шёпотом ей

отвечал. Он видел любопытство.

В конце следующего месяца шепчущий флот вошёл в литерный шторм и продвигался очень тяжело. Омнипаруса ошибались при чтении, и реальность менялась совершенно непредсказуемым образом, бросая корабли в чудовищные водовороты из символов и понятий. Эти вихри были словно титанические карусели из целых фраз или их обрывков, что изменялись подобно калейдоскопу, заставляя сознание обманываться, и формировать смутную и пугающую реальность вокруг.

– Скоро Кольцо Грибов – сказала Свай Тиен, и обняла колени. – Сделай как я.

Хван Самнанг заметил, что все каннибалы на борту уселись на палубу и обняли колени. Ему пришлось поступить точно так же, и даже закрыть глаза, потому что внезапно шторм прекратился, уступив место некоему хороводу букв, от попытки читать которые Хван Самнанг испытывал рвотный рефлекс. Через несколько минут это прекратилось, и каннибалы оживились. Стали больше переговариваться и даже сняли маски.

Хван тоже поднял лицо и обнаружил себя в удивительном и мрачном лесу из невысоких, причудливо изгибающихся деревьев покрытых тускло светящимися фиолетовыми листьями. Кора этих деревьев была покрыта сосудами и венами, которые жадно пульсировали, с хлопаньем вытягивая мутноватую воду, что скапливалась лужами у основания

этих деревьев. Такое ощущение, что этот странный лес стоял на каком-то болоте. На горизонте, скрытая мутной дымкой виднелась разрушенная радиовышка.

Переведя взгляд на трап, по которому сходили каннибалы, Хван Самнанг обнаружил перед собой деревню, или скорее маленький город из округлых хижин похожих на врытую в землю половинку кокоса. Окна были хаотично разбросаны по круглым стенам этих домов, а сами они были изукрашены барельефами, вызывавшими при первом взгляде пугающее ощущение и неприятное жжение в глазах.

– Пойдем – услышал Хван Самнанг и, спотыкаясь от внезапно нахлынувшего нервного напряжения, побрёл за Свай Тиен.

Хван Самнанг с удивлением разглядывал быт каннибалов, что внезапно стал выглядеть как-то человечно с точки зрения бывшего рыцаря Митры.

Вот отца встретили дети и жена. Все сняли маски и их лица были совершенно обычными, немного смуглыми. Светлые волосы, оттенком напоминающие пшеницу, глаза, с загадочным треугольным разрезом. Оттенок глаз разнился от шоколадных, бордовых оттенков, до ярко красных и розовых цветов.

Рыцари-с-защитными-ртами не снимая масок, степенно и медленно следовали в самый большой круглый дом напоминавший крепость.

Свай Тиен уже тащила Хвана за руку. И они вышли нако-

нец-то на что-то вроде главной площади.

Хван Самнанг увидел, что посреди деревни был, воздвигнут некий тотем, увешанный человеческими костями, и медными украшениями. Присмотревшись, и без того уставший рыцарь упал на колени перед тотемом и горько зарыдал, удивив Свай Тиен. Перед Хван Самнангом была одна из чудеснейших, сделанных с большой любовью и старанием вещей. Это была ритуальная статуя Митры.

Хван Самнанг полз к ногам статуи, завывая на хабчане плачи-молитвы, и ему вторили голоса каннибалов, которые похватав оружие, ринулись к рыцарю с явным намерением убить его. Свай Тиен только чудом удалось уговорить своих сородичей прекратить, буквально бросившись на скорчившегося Хван Самнанга. Хван дополз к ногам статуи и принялся целовать их. Из его уст начал иногда вырываться годжон, и Хван только испуганно всхлипывая бил себя по лицу пытаясь вспомнить совсем другие слова. В полной тишине, прерываемой только негромким шёпотом собравшихся на шум каннибалов, Хван сквозь слезы молился то на хабчане, то на годжоне, бил себя по лицу, и тянул рукой за язык, жмурясь от боли. Каннибалы с презрением смотрели на бывшего рыцаря Митры, но оружие опустили, так как один из старых рыцарей-с-защитым-ртом приказал это сделать. Все стали расходиться по своим делам. Свай Тиен обняла Хвана за плечи, и подняла из пыли. Так они вдвоем дошли до небольшого дома находящегося в тени крючковатых вишен.

Кое-как раздевшись с помощью Свай, Хван забылся тяжелым и полным кошмаров сном.

Проснулся Хван Самнанг от запаха мяса и пряностей. Рыцарь с трудом, но привык уже к постоянной мясной трапезе. Сев на кровати он обнаружил, что его тело натёрто каким-то очередным пахучим маслом, в котором явственно чувствовался аромат Сомы. Вкусный запах шёл из другой комнаты, вероятно кухни. Свет пробивался под немыслимыми углами из окон у основания кровати, и большого трапециевидного окна по центру стены. Судя по всему было начало весеннего утра, свет которого был скраден невысокими древесными пологам и водяным туманом. Проходя через листья деревьев, свет причудливо переливался фиолетовым, словно диковинные отражения в толще воды.

Хван встал, и оделся в простую хлопковую одежду, что лежала на стуле рядом. Одежда явно предназначалась для него.

– Свай? – Хван Самнанг говорил, боясь повышать громкость. Он все еще переживал из-за происходящих с ним изменений. События прошедшего дня болезненно отдавались в сердце, заставляя его едва-едва кипеть где-то в закоулках души. Как некий отголосок невыносимости бытия.

– Да? – Свай вышла из кухни. Она была босая, со смуглыми ногами. Одета была в просторные шорты с чудными узорами цветов и украшенные жемчугом. Её тонкую фигуру скрывала диковинная рубашка, со смешными фалдами

из пестрых лоскутов. Рубашка открывала смуглые плечи, и причудливый свет скользил по коже, навевая где-то в воспоминаниях аромат корицы. В тени дверного проема её кожа имела приятный терракотовый оттенок. Пшеничного цвета волосы были собраны в короткую косу. Она стояла, вздернув тонкий нос, покачиваясь, и улыбалась едва заметными изгибом чуть пухлых губ, а её карие, но в то же время почти люминесцентно бордовые глаза с большим любопытством изучали рыцаря.

Хван был заворожен и испуган. То уродство беспорядочного ритуального каннибализма, что он видел в храме Митры, никак не сходилось в его голосе с образом самого нелогично прекрасного существа, которое он когда-либо видел, или о котором смел мечтать.

Хван молчал, и Свай Тиен развернувшись, пошла на кухню.

– Пойдем, покушаем – сказала Свай из кухни, и Хван послушно отправился на запах еды.

С кухней была совмещена столовая с небольшим прямоугольным столом и рядом стульев. Всего на обед умещалось пять человек, видимо у Свай бывали небольшие компании.

На столе уже стояло несколько тарелок с привычным у каннибалов кушаньем – мясо, ароматные масла, специи и конечно Сома.

К Соме Хван привыкал особенно долго, первое время она казалась слишком безвкусной, да и чувствовал себя Хван по-

сле нее ужасно. Его преследовали галлюцинации и ужасные видения. Из-за того что других источников для питья на кораблях не было, от жажды приходилось пить Сому. С тех пор как Хван выучил годжон настолько, чтобы найти слова для нюансов вкуса Сомы, та стала достаточно приятной, бодрила, отдавала мёдом, и не вызывала никаких жутких видений.

Первые несколько минут Свай и Хван молча насыщались, а затем Хван как бы невзначай спросил у Свай.

– Вы молитесь Митре?

Свай разделявая стейк, смерила Хвана долгим и немного раздраженным взглядом.

– Поешь сначала, потом поговорим.

– Нет, я хочу знать. – Бывший рыцарь Митры был настойчив.

Свай Тиен вздохнула, и спросила.

– На что похож Митра? Каков он?

Хван Самнанг с готовностью вспомнил священные книги. Он хотел было заговорить на хабчане, но внутренне содрогнувшись, все же стал переводить на годжон.

– Митра величайший Бог. Разум его стучится во все двери, и находит ответы на все. Сердце его принимает всех. Лёгкие его впускают разное и выпускают единое. Руки его обнимают весь версуман, а ноги его обошли всё сущее. Глаза его видели всё, а язык сказал всё. Митра сосуществует с малым и с великим. Он Идея, что приводит хаос к порядку.

Свай Тиен удовлетворенно кивнула, дожидаясь последний

ломоть мяса. Её смуглые ручки аккуратно сложили приборы, и пшеничная коса змеёй улеглась на плечо, в тот момент, когда Свай запрокинув голову, допивала последние капли Со-мы из стакана.

– Митра это мы.

Хван Самнанг опешил. Ему трудно было представить, что племя каннибалов, сожравшее послушников и исказившее храм, что веками не менял своего облика, могут оказаться богами.

– То есть, ты считаешь, что вы боги!?

– Неа, дурачок, Митра это все мы. Ты тоже Митра.

Неслышной подступью, вчерашнее напряжение подкрадывалось вновь, с надеждой погубить Хван Самнанга окончательно. Его сознание как неисправное радио выдавало обрывки мыслей то здесь, то там, не давай собраться единой картине из осколков прошлого и свежей кладки настоящего. Стены из белого кирпича которыми он был окружен всю жизнь, исчезали теперь не в реальности, а в его голове. Хван Самнанг вновь переживал кошмар, когда белый кирпич покрывался пульсирующими артериями, и кровь, бившаяся в них, сейчас пульсировала в голове у рыцаря.

– Я ничего не понял – постепенно омертвевающим голо-сом заявил Хван Самнанг.

– Поэтому я тебе и говорю, поешь сначала нормально. Со-мы подлить? – Свай направилась к холодильнику, уже зная, что Хван тихо кивнет в ответ.

Мясо на его тарелке остывало, и рыцарь принялся скорей дожёвывать его.

Что-то в нём окончательно сломалось. Будто бы еще вчера, покуда он обнимал ноги Митры, в нем образовалась трещина. А сегодня эта трещина обратила всего Хван Самнанга в раскрошенную черную пустоту, которой только предстояло обрести облик человека достойного называться именем богов.

После завтрака Свай и Хван отправились на прогулку. Хван наблюдал за жизнью каннибалов, и человечность этого бытия его поражала. Они обрабатывали огороды со своими пахучими травами, выращивали мелкий рогатый скот, знали электричество, а омнипаруса под которыми они шли, были настоящим произведением искусства. Хван долго стоял на причале, разглядывая флагман Шепчущего флота – большую каракку с крутыми боками. Тончайшие оптические кабели пронизывали полотно, изукрашенное медными узорами. Само полотно широкими, изящными, почти готическими линиями трапециевидно расходилось в стороны, напоминающая геометрически правильные, острые крылья ската-орляка, которого Хван когда-то видел в детстве. Навершие омнипаруса представляло собой что-то вроде винтажного громкоговорителя, окруженного мощной оптикой с находящимся под ней модулем распознавания изображений.

Металлический корпус корабля, от маршевого двигателя, минуя маневровые, прорастал шпангоутами, которые уме-

лый кузнец выполнил в форме человеческих костей. Сам корпус казалось, дышал, раздвигая на вдохе металлические рёбра.

Не застланные огнем ярости глаза Хван Самнанга смогли воспринять эстетику этого корабля, и Свай пришлось потянуть рыцаря за руку, чтобы усмирить его любопытство и восторг, и они могли пойти дальше.

– Зачем вы занимаетесь каннибализмом? – Внезапно спросил Хван Самнанг. Рыцарь решил, что если судьба сложилась, таким образом, он должен знать всё о той буре, в которую он попал.

– Мы не занимаемся каннибализмом. – Удивилась Свай Тиен. – Говоря твоими словами, мы, скорее людоеды, чем каннибалы.

– Вы не люди?

– Мы Митра. – Уверенно заявила Свай Тиен.

Хван Самнанг сделал паузу, чтобы обдумать услышанное, и хотел было открыть рот, но Свай Тиен его опередила.

– Митра это Идея что приводит хаос к порядку. Так?

Хван Самнанг кивнул. Они проходили по широкому деревянному мосту, перекинутому через особенно топкое место на болотце. Сияющие тусклым фиолетовым светом деревья шумно пили воду, и их листья в лучах утреннего солнца казались довольно яркими.

– Как хаос становится порядком с помощью Идеи?

– Существование. Оно впитывает зло, оставляя лишь

благодать Митры, не нарушая изначальной сути явления. В этом состоит Идея.

– А если суть явления Зло?

– Тогда оно будет уничтожено.

– Чем же тогда это Уничтожение отличается от того что сделали мы?

– Как минимум мы никого не едим.

– Поглощение это всего лишь ритуал. Ты слишком привязываешься к своей собственной морали, и не можешь взглянуть на проблему как следует?

– А как следует?

– Ну, для начала попытаться представить, что ты сам – Зло.

Хван Самнанг удивленно посмотрел в бордовые глаза Свай Тиен, и встретив там немой вопрос, послушно принялся представлять себя в образе вселенского Зла.

Вот он с ордой жутких рыцарей-людоедов влетает в храм Митры и начинает пожирать все подряд.

Свай Тиен засмеялась. У неё был хриплый, но довольно милый смех.

– Я просила тебя представить Себя. У тебя на лице написано, что ты проворачиваешь в голове прошедшие события, только сторону сменив.

Под очередной смешок Хван задумался очень крепко, даже зажмурил глаза. В его голове сначала неуверенно, а затем все с большей и большей скоростью полетели картины.

Вот он, с другими рыцарями подняв щиты, спускается строем с кобуксона и видит, как с других кобуксонов сходят и другие рыцари. Вот звучит Коччи Хабчан, и болота прорастают цветами. Дома обращаются белыми кирпичом, испуганные мерзкие каннибалы падают под ударами мечей. Фиолетовые листья опадают, и крючковатые деревья покрываются цветами. Огромное, неделимое, единое поле цветов разных цветов, размеров, форм.

Статую Митры в центре деревни бережно уносят, освободив от костей и украшений.

Все кто сопротивлялся, преданы мечу, все кто остался – молчат. Им больно говорить, их слов больше не существует. Митра заместил собой их быт. Испуганные дети пьют кровь земли, и удивленно заедают цветами. Их организмы отторгают предложенный чай, а Сوما теперь опалает их желудки. Многие умрут от жажды, другие привыкнут. Рыцари-с-защитыми ртами сожгли себя. Простые люди от языка Тумёган Годжон гибнут не в силах вернуть себе свою собственную Идею. Они как в тумане водят по стенам из ровного белого кирпича, и беззвучно открывают рот. Те, что слабы – кладут в рот цветок альстромерии, и начинают говорить на хабчане, испытывая невероятную ни с чем несравнимую грусть.

Реальность превращается для них в такое же огромное поле цветов, томное бытие в покое и созерцание, лёгкое воодушевление начала весны и радость летнего цветения.

Но им не радостно.

Хван попытался вдохнуть, он задыхался от собственных мыслей.

– Эй...эй...Расслабься. – Свай Тиен заглядывала в глаза Хвана, её пухлые губки были поджаты в лёгкой тревоге.

– Так значит... – Хван хотел было разразиться гневной критикой в свой же собственный адрес. Будто-бы он внезапно прозрел и понял всю грязь его Идеи. Однако он тут же осёкся и нахмурился.

– Ничего это не значит. – Свай Тиен успокоилась, и они вдвоем продолжили свой путь. – Просто у каждого свой взгляд на проблему. И мы к слову называем это не Идея, а Замысел.

Слово “Идея” Свай произнесла на хабчане. Удивительно чистом, правда, с лающим призывом как у годжона. А вот слово “Замысел” произнесла на годжоне, и звук этого слова удивительно укладывался в складочки реальности не вызывая внутреннего диссонанса.

– Замысел... – Свай Тиен продолжила. – Митра любит нас одинаково. А мы любим Митру по-разному. В том и состоит Замысел. Мы считаем, что Коччи Хабчан это Зло. Сорняк на теле версумана приводящий к тому, что реальность становится бедной и не дающей Жизни.

Свай Тиен понизила голос, видно было, что она готовится сказать что-то такое, что явно даже для неё выбивается из привычной картины мира.

– Но с недавних пор не все согласны с этим...последнее

время есть те, кто... думают как-то иначе. Те, кто не хотят выкорчевывать Хабчан. Если бы их не было, тебя однозначно разорвали бы на площади... последнее время, мне кажется, что мы будто просыпаемся от тяжелого сна.

– Что...? – Хван Самнанг чувствовал, как совершенно изменился, то, что раньше вызывало бурю непонимания, теперь вызывало интерес.

– Не знаю. Наша борьба будто бессмысленна. Вы покрываете мир, цветами отбирая Голоса и Языки, и обращая все к своему сонному образу жизни. Мы поедаем людей, исключая их реальность из своей, и вбирая силу из их мяса, во имя Жизни. Каждое слово на годжоне – чей то вырванный клочок мяса, съеденный сегодня, чтобы жить завтра, а каждое ваше слово острый лепесток, жалящий в самую глубь разума.

Свай Тиен приумолкла, мимо прошла молодая компания. Они поприветствовали Свай и смерили подозрительными взглядами Хван Самнанга. Возможно, они были вчера на площади. Хван немного покраснел.

– В общем... – Свай была уже немного разгорячена. – Я не верю в эту борьбу. Мы просто делаем это, потому что чувствуем, что так нужно.

Свай Тиен что-то переварила у себя в голове и взгляд её погрузнел.

– Знаешь, наверное, заложники своего бытия. Я тут рассказываю тебе все эти вещи, умничаю, хотя почти месяц назад, наверное, доедала кого-то из твоих знакомых.

Теперь Хван видел мир по-другому. Вот краски не смешиваются, растекаются каждая по своему желобку, с густым насыщенным цветом. Вот образуются узоры, и их созерцание приносит покой. Вот рука человека ложится на эти узоры и начинает водить туда и сюда. Краски смешиваются, образуя новые оттенки, и совершенно невозможные сочетания друг друга. Теперь это не стройные узоры, теперь это буйная абстракция возбуждающая воображение одним своим видом. И в финале Хван отходит от полотна и видит что это всего лишь случайный бардак, который плохо тянет на искусство. Теперь все сказанное Свай Тиен словно лишалось своего смысла. Та, что казалась богиней, была теперь перед ним всего лишь человеком. И став человеком, она сделала Хвана богом, потому что теперь они пребывали в одинаковой слепоте и замешательстве, и все что их отличало друг от друга это сторона прошедшего недавно конфликта.

– Наверное, мы и в правду – Митра. – Уверенно и спокойно заявил Хван Самнанг.

– Почему? – Удивилась Свай Тиен.

– Потому что вокруг нас сплошной хаос, и привести его к порядку может только божественное вмешательство. Если мы действительно сами боги – значит порядок это дело только наших рук.

– Наверное, ты прав.

– Если что, я прощаю тебя Свай Тиен.

– А я благодарю тебя Хван Самнанг.

К полудню Свай Тиен и Хван Самнанг обошли южную часть деревни, и вернулись домой.

Хван Самнанг пробыл с людоедами несколько месяцев. Он сражался теперь уже с их тенями в версумане, и их фантазмагорическими тварями. Людоеды хотели Жить. Они видели в версумане обрывки хабчана, и вчитывались в него пока не оставался только лишь годжон, способный привести охотников на кровавые поля, где обитала фантазмагорическая дичь, шедшая в пищу и на ритуалы.

Иногда с охотниками ходил рыцарь по имени Древний. Это был старый почти безволосый и беззубый рыцарь-с-защитым ртом. Его пепельного цвета глаза и кожа выглядели так, будто вот-вот лопнут, а рот его был зашит толстой медной проволокой.

С ним и Свай Тиен он вёл долгие беседы о прошлом, и том, что когда нибудь грядет. Ведь все чаще молодые охотники отказывались от преследования хабчана, осознавая в ужасе отсутствие всякого смысла в этом. Замысел Выживания не зависел напрямую от Поглощения хабчана. Вдосталь было всего, чтобы тумёган годжон могли существовать в обманчивом версумане. Многие даже сходили с ума пытаясь осмыслить собственную жажду преследования. Их приводили в чувства рыцари-с-защитыми-ртами, что сохраняли в сердцах относительный покой.

Все чаще странные символы мелькали на привычных путях сквозь версуман. Древний натужно хрипел, пытаясь вчи-

таться хоть немного в незнакомые символы, но без толку.

– Я хочу открыть глаза... – Повторял, иногда Древний забывшись тяжелым сном на борту охотничьего баркаса, после очередного изучения символов. Его глаза в этот момент были пугающе открыты.

К исходу третьего месяца, на горизонте совершенно внезапно появились корабли Коччи Хабчан. Десяток кобуксонов похожих очертаниями на черепах, плыли под высоким омнипарусом походящим на сросшиеся крылья дракона.

Словно бы недавний кошмар Хван Самнанга становился реальностью!

Стоявший этим утром на причале бывший рыцарь митры, сломя голову побежал лестнице и немедленно отправился в Древнему.

Хван Самнанг торопился, странное чувство надежды смешивалось со страхом.

В комнате, в большом круглом доме в центре деревни, где жили рыцари-с-защитыми-ртами, на простой лежанке метался Древний, в окружении нескольких людоедов. Древнего лихорадило в припадке. Его уродливая маска слона с черными провалами глаза лежала где-то в стороне, хотя обычно он держал её максимально близко.

– Я хочу открыть глаза...

– Древний!

– Я хочу открыть глаза...

Свай Тиен вышла из соседней комнаты с тряпками и мис-

кой воды.

– Ему плохо Хван Самнанг, приди позже.

– Там корабли моих сородичей! Они идут к нам!

Большинство рыцарей тут же выхватили оружие и ринулись к пристани. Это действие вызвало у Хван Самнанга чувство бессилия и боли, но в то же время он не терял смутную надежду.

Остро вонзился в сердце рыцаря первый крик. Хван Самнанг немедленно выбежал на улицу, и его глазам открылась картина, которую он представлял себе не так давно.

Они шли строем. Две сотни лучших воителей и зеленые ополченцы. Но что-то в них было не так. Под шляпами нонбайтхан горели голубые, оранжевые, черные глаза. Горели не праведной яростью, но едва заметным, зарождающимся сумасшествием. С ними тоже происходило нечто похожее на то, что поражало молодых охотников тумёган годжон. Они выглядели растерянно. словно Идея стала для них пустым звуком. Как когда-то для Хван Самнанга.

С другой стороны улицы шли тумёган годжон уже возглавляемые рыцарями-с-защитными ртами. В утренней прохладе дыхание людей порождало клубы пара. Люди Коччи Хабчан подняли стену щитов, люди Тумёган Годжон разъяряли себя гневными криками. Все застыли в ожидании кровавого часа.

Лица прикрытые нонбайтхан, лица скрытые масками. В следующую секунду это все показалось ненужным, и бойцы с каким-то странным, чудовищным задором сорвали с себя

свои ритуальные облачения.

Лицом к лицу. Ветер трепал пшеничные волосы каннибалов, бил порывами по их смуглым лицам.

Лицом к лицу. Маленькие вихри разбивались о рыжих и черноволосых, белокожих митраитов.

Друг против друга были сотни прекрасных, разноцветных глаз мужчин и женщин. Они были драгоценными камнями в ларце, что скоро будет зарыт в сырую землю.

Они с интересом, каким-то гневным энтузиазмом разглядывали друг друга, и наконец – бросились в битву.

С гневным стоном Хван Самнанг подхватил чей-то меч и бросился в гущу битвы.

– Стойте!

Он отражал удары то одних, то других. Защитил молодую девчонку от удара митраита, и сам чуть не попал под второй удар, от него же, поспешно ускользнув.

Хван Самнанг с замиранием сердца видел трупы. Пока немного, но достаточно чтобы распалить взаимную ярость до предела.

Болота прорастали цветами. Медленно и хищно они пробивались из мутной воды и обвивали низкие деревца. Барельефы домов осыпались обращаясь в священный белый кирпич. Статую Митры, кажется, даже не замечали. Она зловеще вибрировала в центре битвы. Заметив искажения реальности Хван Самнанг нервно сглотнул.

Вокруг собрались уже все рыцари-с-защитными ртами, ко-

торые, безусловно, были элитой людоедов.

Вдруг на поле битвы показался Древний. Он шёл под руку со Свай Тиен, тяжело опираясь на неё. На нём была маска Слона.

Сухими морщинистыми руками, он указал узловатым пальцем на бьющихся молодых людей.

Запыхавшийся Хван Самнанг в отчаянии посмотрел на Древнего, затем на битву, затем снова на Древнего, но тот лишь не опускал указующего перста.

Хван глубоко вздохнул. Ему хотелось кричать. От бессилия, от гнева, от обуревавших его злых и противоречивых эмоций. Его душа была изрезана острыми клинками и кровоточила. Он не знал, как выйти наружу. Он силился что-то сказать, но реальность упорно отказывался меняться под напором его несказанных слов. Он пытался подобрать хоть одно слово. Одно единственное слово, которое могло бы прекратить борьбу между его прошлым и настоящим. Между людьми, что, несмотря на пугающую разницу, были все же... людьми. Хван Самнанг смотрел в небо. Оно было свинцовым. Тяжелым и смутно голубым, васильковым, сумеречным. Бескрайним. Приятно давящим на глаза. Оставляющим в душе тишину. Он смотрел на небо, выдавливая воздух из лёгких, и беззвучно открыв рот. С небес на него смотрело лицо. А он смотрел в это лицо. Оно повторяло облака и бесконечную сумеречную васильковую глубь. Оно было ничем. Ничего не значило. Оно тоже открывало рот и силилось

что-то сказать. Ничего не было. Это не было речью, это было Коммуникацией. Хван Самнанг понимал, что с ним говорят, но его разум не осознавал природы этой речи. Как будто это был язык, созданный только для той васильковой глубины небес, с которой смотрело на него это Лицо Бога. И выражал этот язык только то, что важно для этих небес. А они были ничем. Простая бессмыслица. Как те непонятные символы, что свели с ума Древнего.

Рот Хван Самнанга все еще беззвучно открывался в небо. Удивительно, но толпа стояла в полной тишине ожидая того что он скажет. В этой тишине облако прошло по солнцу, на секунду загоразивая солнечный свет. Сотни и сотни глаза, они смотрели в лица друг друга, будто бы видели их первый раз. Так оно и было, учитывая, что шляпы нонбайтхан и маски людоедов были во множестве разбросаны по площади. Смысл, который им придавали владельцы – был Ошибочным.

Рыцари-с-защитыми-ртами стояли с окровавленными губами из которых торчали обрывки нитей и проволок.

Древний тоже проливал свое слезы, и, глядя мимо задравшего голову Хван Самнанга тихо прошептал.

– Скажи... в чем Замысел? Для чего все это?

Бывший рыцарь Митры ощутил, как его нервы вибрируют. Его разум с настойчивостью царапал и бил черные окна васильковых небес, силясь достичь чего-то. Каких-то потаённых уголков памяти.

В итоге, произнесенное им слово никто не услышал. Пошёл снег. Едва заметными буквами. Снежинка. Снежинка. Снежинка.

Небо оставалось все таким же. Тяжелым. Васильковым.

Слово сказанное Хван Самнангом. Это был годжон или хабчан, ничего не разберешь. Это было ничего, и оно заполняло мир молчаливым достоинством Отсутствия.

В руке Хван Самнанга появился меч, формой своей напоминающий Меч Митры, но состоявший из материи...или нет? Меч казалось, состоял из памяти Хван Самнанга, из его слёз и горестей, из радостей, мыслей. Он был словно соткан из его собственного понимания того каким должен быть мир вокруг. Этот Меч был Ключем отворяющим реальность. Был ли он сам реален. Принадлежал ли он Митре? Или Хван Самнангу? Наверное, все вместе. Или ничего из этого.

Меч в его руке был скорее написан, нежели реально существовал. Он был как летопись, высеченная на тысячи лет вперед на куске вечно сохнущей глины устремленной ввысь.

– Мы – Митра. – Эти слова почему-то странной, чудовищной болью отозвались в сердце, заставив меч в руке чуть угаснуть.

В полной тишине, реальными остались только небеса и снег. Дома вокруг, цветы, кровь, сама площадь, и статуя митры, живые и мертвые люди. Все вокруг всего лишь текст. Стороны не видели друг друга полностью, они понимали смысл того что видят, но не видели того что было написано.

Версуман вторгся в жизнь целиком, но лишь на краткий миг, доли секунды, запечатлевшиеся полным отсутствием реальности вокруг.

Хван Самнанг прочитал реальность, но не в Версумане. Хван Самнанг прочитал реальность в сознании людей, в их сердцах, заставив Версуман скользнуть вслед за его мыслями, и отворить некие Врата, которые ощущались забытыми.

Деревья с фиолетовыми листьями, будто разом вздохнули, и радиовышка вдалеке покрылась лёгкой рябью.

За этими Вратами он обнаружил кошмарные видения прошлого. За секунду перед его глазами пронеслась вся летопись его рода, его языка, или вернее языков. Рыцарю Митры открылось, что порочные братья Коччи Хабчан и Тумёган Годжон составляли единое целое многие тысячи лет, покуда предки Хван Самнанга не овладели, неизвестно откуда зародившимся запретным Словом. И это слово было – Митра...

Под васильковым небом Хван Самнанг стоял с мечом, сотканным из мыслей, и его мысли в мече были покрыты кровью. Многие из рыцарей лежали перед Хван Самнангом изрезанные и изрубленные. Хван Самнанг не понимал только прошлое он видит или настоящее.

Люди стояли с оружием наготове, но в абсолютной тишине. Многие ошарашенно хватались за голову и тряслись в лихорадочной дрожи. Их пылали яркими огнями. Дрожащая Свай Тиен медленно подошла к Хван Самнангу. Её люминесцентно бордовые глаза сейчас пылали таким же темным

пламенем.

Древний благоговейно снял маску. Другие рыцари-с-защитными ртами, те из них, что не были мертвы или слишком ранены, отступили к Древнему.

Радиовышка с ужасным эхом издала металлический скрежет, но никто не обратил на это внимание.

Когда было произнесено Слово, многое стало будто бы очевидным. Словно пьяница, протрезвев, осознал смехотворность своего поведения накануне.

Все бытие, и все люди замерли в ожидании ответа Хван Самнанга. Даже васильковые небеса вслушивались в тишину на площади, готовые в любой момент обрушиться на Хван Самнанга если он скажет хотябы слово лжи. Жуткое навершие антенны радиовышки теперь походило на злобно прищурившийся глаз.

– Мы – Митра. Опаснейшая болезнь на теле бытия – сказал Хван Самнанг. – И никакого Замысла в этом нет.

Волна непонимания прокатилась по толпе. Древний о чем-то сам себе нервно покивал, и поднял руку, вверх призывая площадь к тишине.

– Объяснись рыцарь.

Хван Самнанг усадил дрожащую Свай Тиен на землю, и сел сам, призывая всех остальных сделать тоже-самое. Все еще шокированные внезапным изменением реальности и своей собственной памяти, митраиты и людоеды послушно сели на землю, поодаль друг от друга, держа оружие под

рукой. В этом действе был какой-то сакральный момент, несмотря на отсутствие слов, реальность реагировала на происходящее. Радиовышка издала требовательный вопль-скрежет отдававший металлическим вкусом крови, но её никто не услышал.

– Сейчас я начну свой рассказ... – Стоявший на площади Хван Самнанг походил на пророков древности, и с благодарностью принимал сейчас эту роль и новые знания, надеясь таким образом осуществить свой Замысел.

...Когда-то мы не были Митрой. Мы были единым народом под названием Дэвагоджи. И мы равно говорили двумя языками языком разума – коччи хабчаном, и языком ярости – тумёган годжоном. Те, что говорили на коччи хабчане, были лидерами нашего рода, их называли Одинокие Князья. Слова их тогда не искажали реальность полями цветов. Одинокие Князья были одним цветком альстромерии в изменчивом версумане, и их Единство приносило покой и Порядок. В этом была их Идея. Своим Единством они обеспечивали Порядок, в результате чего – возникал Закон.

Когда в Порядке нуждались большие территории, или Одинокий Князь нуждался в воителях, он призывал с невидимых васильковых небес неистовых бойцов говоривших на языке ярости. Люди Тумёган Годжон повергали врагов и числом и умением, поедая сердца, вырывая кости, и языки, запирая, таким образом, Хаос внутри себя во имя Выживания всей Империи.

К слову, помимо народа Дэвагоджи, существовали еще три, составлявшие единую Империю. Это народы Савитар, Акаибратэ, и Тэджанджани.

Солнцеликие Савитар правили всеми землями. Они были непогрешимы, их сердца и языки призывали свет на земли Империи, и благодаря этому версуман и слова других языков не разрушали реальность вокруг. Символы Савитара служили гарантом существования всех земель и народов в том виде, в котором они были когда-то прочитаны. Савитар выявлял всякую ложь, заглядывая в самые дальние уголки человеческой души. Они были поэтами и вели летописи.

Акаибратэ растили прекрасные сады, и поля. Они выращивали маки для Савитар, и альстромерии для Дэвагоджи. Оказывается и проклятый металл, из которого ковались доспехи для Дэвагоджи, добывался Акаибратэ из грибниц мрачных грибов, что прорастают из подножий гор на их вершину, чтобы увидеть солнце и умереть.

Тэджанджани были искусными ремесленниками. Они ковали из проклятого металла доспехи и оружие, строили неопишуемые по своей форме дома и крепости. Из-под их рук выходили чудеснейшие обелиски, тянувшиеся так высоко в небо, что разглядеть их изящные пики можно было лишь в безоблачный день. На этих обелисках на Савитаре была описана история Империи.

Зиккураты правителей строились Тэджанджани в виде невообразимых шестиугольных спиралей, словно бы прони-

кавших друг в друга и направлявших солнечный свет из глубин к вершинам.

Они были воистину невероятными скульпторами и кузнецами.

С Империей воевали и торговали другие народы. Я не могу прочесть, что о них написано, ибо за Вратами этого не было, но могу сказать лишь, что болезнь принес какой-то непокорный народ, что внезапно стал терроризировать границы империи.

Двагоджи сражались с этим народом до изнеможения. Страх проникал в души, отбирая слова и дар речи. Этот народ казался неуязвимым. Где-бы они не проходили, всюду оставалась ровная гладь воды и стекла. Нигде не оставалось даже песчинки. Только стекло, и в палец воды над ним. Разговор между нашими народами был невозможен. Одинокие Князья своей силой читать реальность в мыслях, не в силах были понять их Замысла.

Этот странный народ думал лишь одним символом. Одним единственным символом. Длинная, словно бесконечная черта, с редкими подъемами, что тут же резко уходили обратно, словно разглаженная ладонью простынь.

Черта, невероятно искусно изображенная и изукрашенная, но в то же время абсолютно простая, и не требующая особенных знаний для понимания.

Эта черта, этот символ. Это Митра. Так он впервые появился в нашей жизни.

Митра. Такое изящное решение. Абсолютное воплощение порядка. Бесконечное ничто объединяющее всё. Оно отзывалось в душе неким болезненным чувством, чего-то давно забытого. Словно бы пустое пространство, каким его описывает Митра, действительно когда-то существовало.

Одинокие Князья терпели поражение, и с каждым углом измененной реальности изменялось и их сознание. Семена греха брошенные в разрыхленную почву дали ростки.

Сначала Коччи Хабчан, затем посредством Одиноких Князей – Тумёган Годжон. Именно в таком порядке. Так вы стали тем, кто вы есть. И так вы возненавидели нас.

Когда васильковые небеса разверзлись, выпуская свору Тумёган Годжон, Коччи Хабчан уже сражался иначе, чем обычно. Стекланные цветы росли над водой, лопааясь под ногами и орошая мелкие воды нашей кровью. Митра. Мы стали Митрой. Митра любил нас всех одинаково. Но мы любили его по-разному. И став одним – мы одержали победу, победив тот загадочный народ, в его собственной, как теперь кажется, клетке.

Одинокие Князья уже не являлись воплощением Порядка. Они были раскрепощенными Уравнителями, чье представление о Порядке было твердо привязано к пониманию Митры, как единственного возможного способа существования. Вернее Сосуществования в мире Идей.

Поэтому, одинокая альстромерия удалилась в темноту нашего сознания, сохранив лишь ритуальное значение. На сме-

ну её символам пришли другие. Бесконечные поля цветов, иные из которых я даже назвать не могу. Тумёган Годжон, что скрестили мечи с загадочным народом внутри их же клетки, не разделяли идеи Сосуществования, и это помогло им сохранить некое представление о сущем за пределами Митры. Тумёган Годжон, как язык, в наше время остался более чистым от Митры, нежели Коччи Хабчан. Но все же Тумёган Годжон стали не меньшими Уравнителями. Их страх был более “животным”, и взывал к Выживанию, поэтому Митра одарил их Голодом. Поглоти чтобы Выжить.

После того как была одержана победа, Дэвагоджи, а точнее уже Митра, обернули свои клинки против Савитар и Империи в целом.

Естественно Савитар уже знали абсолютно всё. Они лили горькие слезы на алые лепестки небесного мака. Они плакали по своим воителям, что убоялись Зла. Они с ненавистью смотрели на Версуман что каждой ночью расчерчивался линией, прекраснейшей из возможных. Она перечёркивала иное в ночном версумане, нашептывая медленно и едва слышно. Митра.

Страшная зараза в лице бывших Дэвагоджи дошла до самой столицы, практически разрушив империю до основания. Старейшины Савитар смогли укрыться в Маковой Крипте древнейшего в Империи зиккурата, и заманить туда то что осталось от Дэвагоджи.

Не в силах погубить своих воителей, Савитар окончатель-

но заперли Одиноких Князей и их воителей из Тумёган Годжон в клетке Митры, погрузившись вместе с ними в вечный сон внутри крипты...

На площади была более чем мертвая тишина. Свай Тиен тихо плакала, рыцари-с-защитыми ртами сидели, склонив головы. Из их глаз стекала кровь.

– Значит мы во сне Савитар? – Спросил капитан митраитов, поборов, наконец, свое напряжение.

– Выходит так – Ответил Хван Самнанг – И поскольку я теперь это знаю, возможно, только одно. Что-то произошло. Для чего-то мы должны проснуться. Мы будто всплываем, и каждый метр подъема ощущается давлением на наши сердца и душу. Версуман вокруг словно борется за нас и не хочет отпускать.

На площади пошли перешёптывания. Какой-то странный оптимизм слышался в голосах людей. Словно бы все наконец-то стало ясно и просто. Но в то же время многие озверело, мотали головой, и без конца повторяли, что они Митра, или что только Митра достоин поклонения.

– Хочешь ли ты сказать, что нас призывают на войну? Но мы же... больны Митрой. – Сказал Древний.

– Мы и есть Митра, раз уж на то пошло – Устало заявил Хван Самнанг. Его отпустил религиозный экстаз последних недель, и он мог наконец-то мыслить более абстрактно. – Мы Митра. Хоть и не являемся разносчиками по какой-то причине.

Хван Самнанг притянул к себе Свай Тиен и обнял её как можно крепче.

– Я считаю, что если нам открылась тайна нашего заточения, это значит, что у Савитар нет иного выхода, кроме как разбудить нас... Я думаю нам нужно вернуть моих... наших сородичей, объяснится, и вместе искать выход отсюда.

– Ты уж извини, но мы доберемся сами. – Сказал капитан митраитов. – Я итак доставил проблем Тханг Висне, подговорив рыцарей отомстить. Если я еще флот каннибалов с собой притащу, боюсь, буду выглядеть глупо.

– Но мы могли бы...

– Ничего мы не могли бы, предатель. Я тоже все видел и слышал, хоть и не все понял. И я чувствую все, о чем ты говорил. Версуман сжимается вокруг нас, его текст становится пресным, будто сотни раз прочитанным, и я устал от этой тесноты.

Капитан отдал команду, и подобрав выживших, митраиты стали отступать к своим кораблям. Людоеды не стали их останавливать.

Люди напоследок разглядывали друг друга. Многие хмыкали и чесали головы, обдумывая что-то свое.

– Нужно выдвигаться вслед за ними... – Выпалил Хван Самнанг явно поглупев от напряжения.

– Отправимся завтра. – Сказал спокойно Древний и отправился в большой дом где жили рыцари.

Люди понемногу разбредались с площади, уносили ра-

ненных и убитых, и неохотно брались за свои повседневные дела. Они будто не были уверены что все это имеет какой-то смысл сейчас, но механически продолжали трудиться, все быстрее и быстрее.

Хван Самнанг поднял Свай Тиен на ноги, и вместе они побрели домой. Рыцарь Митры был не на шутку обеспокоен молчаливостью своей подруги, но ничего не мог с этим поделать. Напоив Свай Сомой, он уложил её спать, а сам, сидя за столом на кухне, стал обдумывать план. Тханг Висна видел, что стало с Хван Самнангом, и наверняка сейчас почитает его, скорее за врага, чем за друга. Оставалось только надеяться, что васильковые небеса откликнуться в душе Тханга так же как откликнулись в душе Хван Самнанга. Тем более что, по счастью, сородичи вернуться домой, живыми, чтобы рассказать что произошло, и возможно подготовить почву для диалога.

Ночь прошла ужасно. Хван Самнанг то и дело просыпался с заставшим в глотке криком. Ему снились глаза из белого золота, что смотрели на него, медленно моргая. Снились чудесные земли с причудливыми городами и тысячами высоких обелисков. Эти земли лежали в руинах, а над ними бушевали литерные шторма, изменяя реальность. Иногда она превращалась в зияющую пустоту без единого символа, а иногда превращалась в океан, кишаций жуткими тварями, готовыми впиться своими круглыми, беззубыми, почти человеческими ртами в нежную человеческую плоть. Иногда

ветер носил среди руин изорванный и грязный цветок альстромерии.

После очередного кошмара с золотыми глазами, Хван Самнанг резко сел на кровати, и встретился лицом к лицу со Свай Тиен.

– Доброе утро. – Спокойно поприветствовала рыцаря лю-
доедка.

– А...Доброе.

– Я приготовила завтрак.

– Спасибо. Сколько время?

– Времени теперь не существует. Хотя...можешь считать, что едва полдень. Утром заходил Древний. Ты метался в кошмарах, и мы решили дать тебе выспаться.

– И еще раз спасибо.

Хван Самнанг обнаружил на стуле свои доспехи, свое траурное облачение, и шляпу нонбайтхан. Спешно позавтракав, едва пригубив Сомы, рыцарь облачился, и вышел из дома.

Проходя по уже знакомым улицам, Хван Самнанг будто в последний раз разглядывал неширокие улочки городка. Воинственные и жутковатые барельефы с причудливыми изображениями фантастических сцен необузданной охоты.

Люди вокруг занимались своими повседневными делами. Все так же тяжело хлюпали деревья на болотцах. Разрушенная радиовышка на горизонте выглядела сегодня как жуткий покорёженный глаз на стебельке. Стебелек этот склонился в сторону Хван Самнанга, отчего “взгляд” вышки казался из-

лишне внимательным и пугающим.

Без проблем добравшись до площади, Хван Самнанг обнаружил, что его уже ждут. Четверо рыцарей-с-зашитыми ртами были облачены в свои доспехи и маски. Среди них был и Древний.

– Мы возьмем один корабль. Я думаю, наши сородичи скорее пойдут на мировую, если мы придем извиняться не всем племенем... – Древний издал что-то наподобие смешка.

– Пожалуй ты прав.

Хван Самнанг несмотря на отвратительную ночь и усталость, испытывал нечто вроде воодушевления. Он испытывал вину перед Тханг Висной, и другими обитателями Храма Митры за то что он сам того не ожидая предал их.

Рыцарь даже близко не представлял, как пройдет их встреча, но этот диалог должен был состояться. В этом был замысел следующей пары недель.

Вскоре к группе присоединилась и Свай Тиен. На ней была маска, которую Хван Самнанг раньше не видел. Это было человеческое лицо, вылепленное из множества вороньих черепов. От лица в разные стороны расходились костяные наросты, из-за которых верхняя часть головы походила то-ли на корону, то-ли на архаичный солнечный диск. Вся маска была переплетена медной проволокой, и разукрашена красными и оранжевыми растительными орнаментами.

Придя на площадь, Свай Тиен обняла Хван Самнанга.

– Все будет хорошо.

– Да, я знаю. И снова спасибо...

Взяв провизии с запасом, и полюбившейся Хван Самнангу Сомы, компания поднялась на борт небольшого баркаса.

Древний уселся под парусом. Треск, с которым широко раскрылись его глаза, был почти слышен. Это был как воображаемый раскат грома.

Парус натужно заревел, и корабль двинулся вглубь версумана, прочитывая путь к границе Кольца Грибов.

Свай Тиен протянула баночку масла, и Хван Самнанг послушно натёр доспехи. Невероятно хотелось Жить, и это воодушевление связанное с тревогой, формировало эмоциональное состояние Хван Самнанга целиком.

Взявшись натирать шляпу нонбайтхан, Хван Самнанг обнаружил что она аккуратно починена, и поверх стёршегося хабчана, нанесены свежие символы. Неумелой рукой, с ошибками, но все же...

Рыцарь с нежностью посмотрел на Свай Тиен. Та пожала плечами, её улыбка была скрыта за маской, но солнечный лучик, скользнувший от этой улыбки казалось, раздул омнипарус, заставив корабль бежать бодрее, а сердце Хван Самнанга биться еще свободнее.

Вскоре показалась граница Кольца Грибов. От начала времен, если это начало когда-то было, здесь бушевал литературный шторм. Все путешественники, кроме Древнего, обняли колени и спрятали лица, после чего корабль, наконец, лихо потрянуло. Омнипарус читал совсем уже непонятные фразы,

коверкал слова, и кричал жуткие проклятия, но все же слово за словом отыскивал верный путь.

Когда корабль перестало трясти, Хван Самнанг поднял глаза. Лицо Бога что видел Хван Самнанг в васильковом небе, на секунду промелькнуло среди символов версумана, и исчезло. Осталось немного потерпеть.

Удача сопутствовала путешественникам, и они, наконец, достигли Храма Митры. Издали стены выглядели, как и обычно, разве что намного белее. Храм был явно вновь обжит, о чем Хван Самнанг сообщил Древнему.

Вскоре ворота храма отворились, и сердце Хван Самнанга заволновалось. В чешуе и ритуальных одеждах, в шляпах нонбайтхан, с мечами и щитами вышли навстречу...воины Митры?

– Одинокие Князя – тихо сказал Хван Самнанг.

Молодые воители понятия, не имеющие о своем наследии, в отличие от людоедов тумёган годжон, которые хотябы догадывались...

Теперь, когда тревожный Версуман повлиял на людей, их лица были измучены. Хван Самнанг и сам последнее время мучался кошмарами, ощущая давление текста, смутный зов, и общую бессмысленность своего существования здесь.

Глядя на митраитов, Хван Самнанг прищурился. В его душе зазвенела тонкая струна.

– Это Тханг Висна – Рыцарь указал на своего сержанта стоявшего неизменно в первых рядах. Ветер раздувал воло-

сы на его плечах, а колющий взгляд черных глаз чувствовался даже отсюда. Хван Самнанг мог поклясться что видит как нервно его друг сжимает челюсть, заставляя высокие скулы едва подрагивать.

Древний задумчиво почесал голову.

– Полагаю, нам не следует показываться, пока ты сам с ним не поговоришь. Верно?

– Совершенно верно.

Хван Самнанг прыгнул в лодку, и набрав в грудь воздуха, стал вчитываться в хабчан, слова которого с опаской примерял на язык. Хван Самнанг уже не понимал, какой язык ему роднее. Однако, через пару строк, ощутив словесный привкус цветов и запах чая Хван решил, что все же оба языка для него важны. Тем более что они лишь части единого целого.

Лодка двигалась в хорошем темпе. Хван Самнанг знал хабчан во всех его формах, включая самые поэтические, и самые сухие.

Пристав к берегу рыцарь обнаружил себя в окружении митраитов с поднятыми щитами. Острия клинков были направлены в его сторону.

Хван Самнанг смотрел на новые и уже знакомые лица. Молодые и старые крестьяне, сыновья торговцев, и исправившиеся бандиты. От бывшего воинства почти не осталось следа, хотя многих из сотен, что воевали на площади деревни людоедов, Хван Самнанг признал. С облегчением ры-

царь увидел капитана, тот едва заметно поправил шляпу. И с нескрываемой радостью Хван Самнанг обнаружил своих приятелей. Вот рыжий Ванна Йунг со своими веснушками... и шрамом на половину лица. Хван Самнанг чувствовал острое желание извиниться перед Йунгом. Там же из толпы выглядывал вечно рассеянный Сом Нгуен. Хван Самнанг помахал ему, и чуть не расплакался, когда Сом Нгуен совершенно беззаботно помахал в ответ. Колаб Ханьюл, вечно юный, и вечно суровый голубоглазый гигант с черной как уголь головой. Он смотрел на Хван Самнанга с презрением, демонстративно выставив вперед искусный протез, заменявший теперь воителю ногу. Ханьюл поглаживал тяжелую рукоять огромного куска металла, который гигант называл своим мечем.

Наконец глаза Хван Самнанга встретились с пресной рожей Тханг Висны. Его широкий нос раздувался от гнева, а черные зрачки пугающе отражали свет.

– Не могу сказать, что не рад тебя видеть. Обратного тоже утверждать не могу. Ты уж извини, рыцарь. – Начал Тханг Висна с осторожной ноткой обиды в голосе.

Ополченцы переглянулись, для них ситуация выглядела очень странно. Вроде бы здесь должны были быть люди Тумёган Годжон, а вместо них – лишь один рыцарь Митры.

– А я рад тебя видеть живым и здоровым Тханг Висна. Мне кажется, я слышал твои молитвы, когда предательски убежал, отсюда обожравшись человечины.

– Зачем ты пришёл? Я думал, ты принял их язык.

– Я его принял.

Нестерпимо сухо звякнули мечи, приближаясь к шее Хван Самнанга.

– От Хабчана я не отказался, как видишь. Я же на нём говорю, верно?

– Верно. Где твои друзья каннибалы?

– Нас шестеро. Я, одна женщина, и четыре рыцаря. Все кроме меня на корабли.

– И зачем вы пожаловали? Ты соскучился? Еда закончилась у твоих друзей? Что?

Капитан, возглавлявший поход в деревню, ринулся было напомнить Тханг Висне о том, что рассказывал накануне, но был остановлен осторожным ударом эфеса в живот.

– Вероятно, я тебя оскорблю, если скажу что пришёл заключить мир от лица людей Тумёган Годжон. Заранее прости, если это звучит грубо... – Хван Самнанг сконфузился. – Нам довелось сражаться, но как ты понял я смог прекратить борьбу.

Тханг Висна скорчил такую яростную гримасу, что казалось, прямо сейчас лишит бывшего друга жизни.

– С чего бы это каннибалам заключать мир? Волк собаке не товарищ? Разве не так? Что за грязные уловки ты выдумал для них, Хван Самнанг?

– Есть некоторые обстоятельства...

– Обстоятельства!? – Не выдержал уже Колаб Ханьюл. В

силу своей немногословности, гигант не смог больше ничего сказать, но его лицо похожее сейчас на поток магмы, выражало абсолютно все, что он мог сказать.

– Обещай мне, Тханг Висна, что не причинишь никому вреда, и мои друзья придут безоружными. Тогда я сам расскажу тебе все, что тебе поведал твой капитан, и может даже, покажу кое-что...

Тханг Висна колебался. Было видно, как он резко вдыхает, и его рука дрожит, готовая в любой момент вонзиться в шею предателя. Но все же, в чем никогда не сомневался сержант, так это в том, что Хван Самнанг всегда оставался человеком, даже если ему было больно и страшно. Хван Самнанг всегда оставался человеком, даже если боль и страдания причинял он сам. Еще с детства Тханг Висна помнил, как искренне извинялся Хван Самнанг перед отцом хулигана, за то, что сломал тому руку.

И последние события показали, что Хван Самнанг – человек. Хоть Тханг Висна и сурово наказал капитана решившего своевольничать, он был безумно рад и благодарен судьбе за возвращение своих сородичей живыми. Со слов капитана, Тханг Висна понял, что благодарить надо Хван Самнанга.

Тханг Висне было тяжело отстраивать общину заново. Последнее время люди сходили с ума, и успокаивать их, оберегать. В одиночку это было так утомительно.

С бессильным криком Тханг Висна убрал меч в ножны, вызвав волну недоуменных взглядов.

– Ну и ладно. Зови своих каннибалов, рыцарь. Но учти, если это какая-то хитрость, я тебя даже слушать больше не буду. Понял?

– Понял.

Хван Самнанг встал из лодки, и вышел на небольшой пригорок, рассыпавшийся мелчайшими буквами в пространство Версумана. По заранее оговоренной схеме, он прочитал в версуман слово, означавшее, что все в пределах нормы, и нужно прибыть без оружия.

Прочитав условный сигнал, Древний, Свай Тиен и другие рыцари сели в оставшуюся лодку, и благодаря Свай Тиен, немного знавшей хабчан, с трудом добрались до берега.

Ополченцы разглядывали людоедов с ужасом, бывалые воины – по инерции с презрением, ненавистью, и новым для них – любопытством. Прибывших на берег взяли в кольцо, и повели внутрь храма.

Жизнь в храме явно шла мирно. Маленькие огородики вновь были покрыты зеленью, ухоженные дома из белого кирпича и соломы были прочитаны и отстроены вместо искаженных годжоном. Хотя сейчас на территории храма никого не было. Инструменты были побросаны. Из кузницы валил мелкий дымок. Очевидно, что мирные жители где-то скрылись. Возможно, на случай повторной атаки, хитрый Тханг Висна разработал какой-то план.

Компанию конвоировали в просторное, полукруглое помещение над Цветочной Криптой, и там поставили на коле-

ни.

Тханг Висна уселся на высокий плетеный стул перед балконом, и коротко сказал.

– Говори.

И Хван Самнанг, вместе с Древним, чьи слова он переводил, поведали историю о народе Дэвагоджи, о Империи, о загадочном народе больном Митрой, и о самопожертвовании Савитар.

Тханг Висна слушал все это с недоверчивым лицом.

– Пока что твоя история, как и пересказ капитана, больше похожа на бред сумасшедшего.

– Твоя, правда. Но подумай – как Хабчан реализует идею Сосуществования? Ты можешь вспомнить название хотя-бы одного языка, который принял Митру вместе с нами?

– Конечно...это... – Тханг Висна задумался. – Это...

Все остальные тоже принялись припоминать. Ванна Йунг даже принёс какие-то книги. По лицам людей было видно, что с них спадает какая-то мрачная пелена. Она все еще с едва слышимым писком цепляется за них, пытается овладеть их разумом, но в тексте этой реальности уже и так было слишком много допущений, и неразумных слов. Где-то вдалеке будто бы раздался металлический скрежет.

– Я попытаюсь кое-что показать вам. Выйдем наружу.

Тханг Висна немедленно приказал вывести людоедов и своего бывшего друга наружу.

Там, под нестерпимо жарким солнцем храма, Хван Сам-

нанг в очередной раз воздел глаза к небу, и попытался Сказать. Он попытался произнести Слово, то на котором говорят только васильковые небеса. Слово, которое Ничто. Не имеющее никакого Замысла. Он силился произнести его, и в ответ лишь встретил Лицо Бога в бесстрастных васильковых небесах.

Наблюдательный Тханг Висна, щурясь смог разглядеть в небе какой-то непонятный символ, но лишь на доли секунды. И в следующий момент реальность превратилась в сплошной текст, читаемый скорее в умах людей, нежели снаружи. Хван Самнанг испытал боль и страх, ибо, словно Одинокий Князь древности он видел в каждом камне, простую, но столь изящную полосу. Каждый человек из храма был этой полосой, и сам храм был ею. Всё здесь было Митрой.

Ополченцы в ужасе присели на землю, бросив оружие. Ванна Йунг задыхался, а Тханг Висна в упор и, не мигая, смотрел на образовавшееся в руке Хван Самнанга нечто. Слово, лишь отдаленно читаемое как Меч, и скорее читаемое как Память, или Мысль.

– Хван Самнанг... – Медленно и пугающе спокойно произнес Тханг Висна. Его голос был немного чужим, и очень удаленным, с лёгкой металлической хрипотцей. Уже через секунду бывшие друзья скрестили мечи. Тханг Висна теперь так же, не мигая, смотрел в глаза Хван Самнанга. Во избежание массовой драки, людоеды демонстративно встали на колени, и подняли руки вверх. До митраитов дошёл смысл

этого сакрального действия. Между двумя рыцарями происходила дуэль, и вмешиваться было как минимум неприлично. Митраиты вложили мечи в ножны и стали наблюдать.

По пыльному двору, среди белых каменных домов, там, где буквально час назад кипела жизнь, теперь бушевал водоворот из клинков несущих смерть. Тумёган Годжон брали числом, а Коччи Хабчан – мастерством. Тханг Висна был воистину смертоносным воином, и его меч разве что миллиметр не доставал до Хван Самнанга, то едва касаясь шеи, то проскальзывая по чешуе его доспеха. Хван Самнанг был лишь с мечом, а Тханг Висна то и дело укрывался от ответных ударов за своим круглым щитом, демонстрируя необычайную ловкость в обороне. Он прикрывался щитом, и затем немедленно контратаковал, вынося вперед корпус, и нанося рубящие, и колющие удары. Иногда он подпускал Хван Самнанга ближе, и пытался нанести колющий удар, скрывая меч за щитом. Техника фехтования Тханга Висны была выше всяких похвал, Хван Самнанг обращался с мечом намного грубее. Лишь природная эмоциональность, сопряженная с невероятной скоростью реакции, позволили Хван Самнангу взять верх. Два Одиноких Князя на фоне василькового неба. Тханг Висна лежал раненый в плечо, из его руки выпал щит. Меч Хван Самнанга находился у его горла. На миг казалось, словно сбылось какое-то пророчество. Тханг Висна с усталым удовлетворением смотрел на Хван Самнанга. Божественный суд определил, чья Идея важнее.

Единственная туча лениво ползла по солнцу, приглушая не единый момент весь свет, который был в этом мире. Затем Хван Самнанг протянул своему другу руку.

– Моя Идея не в том, что ты подумал. Я просто хочу чтобы все это... – Хван Самнанг неопределенно повел рукой вокруг. – Это... Ну понимаешь, закончилось. Я понимаю, что весь мир вокруг нас...этот текст. Словно здесь записана ложь. Тщательно спрятанная между строк – ложь. А эти пустые васильковые небеса. Они зовут меня туда, где я и должен быть. Я как будто и вправду очнулся от тяжелой болезни. Мне все еще плохо, но меня зовёт какой-то долг. Наверняка, когда ты так же разберешься в себе, почувствуешь то же самое.

Тханг Висна принял руку своего друга. Казалось с большим облегчением. Словно ему в действительности было плевать и на Митру, и на Храм, и он готов был ухватиться за любую соломинку, лишь бы не враждовать с дорогим ему человеком.

– Я искренне надеюсь, что все, что ты говоришь – правда. – Сказал Тханг Висна. – Потому что теперь я отвечаю за тех немногих, что здесь остались. Понимаешь?

– Да друг мой.

Ополченцы окончательно убрали оружие, и напряжение последних часов само собой развеялось как черный дым на сильном ветру.

Мирные жители храма постепенно вернулись. Тханг Вис-

на хорошо наладил секретные пути отхода, снабдив их лодками, бегло пишущими и читающими проводниками, и провизией.

А к вечеру все собрались на ужин. Культурный обмен проходил не без эксцессов. Людоеды не без труда учили хабчан, а митраиты обжигались сомой, покуда не выучили на годжоне все её основные вкусы, чтобы их почувствовать. Людоеды с недоверием ели цветочный пирог, а митраиты приправляли баранину диковинными специями.

Хван Самнанг с облечением выдохнул. Все-таки, иногда страх может стать лекарством от ненависти. Испытав страх, недавние враги скорее станут друзьями, но только тогда, когда нужды бояться друг друга более не будет.

– Интересно, почему ты, Хван Самнанг? – Древний стоял, облокотившись на резные перила балкона, нависавшего над входом в Крипту. Сочный и злой годжон прорезал ночной воздух как острый коготь.

– Я бы тоже хотел знать. Может вы просто никого не оставляли у себя до этого?

– Да нет же, были случаи. Но они просто сходили с ума и умирали.

– Ну, значит, готовясь к вашему гостеприимству, я сошёл с ума и умер несколько раньше.

Древний глухо засмеялся, и Хван Самнанг подхватил его смех. На них с улыбкой смотрела Свай Тиен, пока с ночного уже василькового неба, светила полная, серебряная луна.

...Читай вправо! – Кричал один сержантов Коччи Хабчан. Орда кораблей – баркасов, каракк, кобуксонов, неслась к противоположному краю Кольца Грибов. Жуткий и угрожающий глаз радиовышки виден был даже сквозь гневные крики Стенающего Нечто. Жесточайшего из литерных штормов. Он бывал только здесь, и только этот шторм не просто менял реальность хаотичным набором слов и символов, но и гневно выкрикивал, их прям в сердца и души всех кто в него попал.

Когда Коччи Хабчан и Тумёган Годжон наконец собрались в деревне на болоте, они обсудили план прорыва из клетки Митры. Изучив старинные карты, Древний, Хван Самнанг и Тханг Висна пришли к выводу, что все время центр кольца грибов и цветочную крипто соединяла невидимая прямая, которая никогда не менялась. На таком же расстоянии от Кольца Грибов только с противоположной стороны располагалось Стенающее Нечто. Всегда. Неизменно.

Хван Самнанг нутром чувствовал по реакции странной радиовышки, что подумали они абсолютно верно. Голова кружилась от криков и причитаний шторма, перед глазами были невообразимые символы и слова. Омнипаруса шли почти на шёпote, потому что прочесть в этом месиве что-то разумное и безопасное было почти невозможно.

По счастью, еще не один корабль не потерял своей реальности, и уже среди водоворота ужасающих писаний видне-

лась самая суть. Глаз Бури. Врата.

– Вправо! – Вопил сержант. Далее приказы раздавали рыцари-с-защитными ртами. Благо их голоса звучали в головах. Но даже им приходилось преодолевать изменяющуюся реальность, чтобы доносить свои мысли.

Массовый исход из клетки Митры был ужасным. Ближе к Глазу Бури люди начали страдать. Хван Самнанг держался за голову. Голова ужасно чесалась от бегущих по ней букв, словно её вымазали уксусом в горячей сауне. Глаза наливались кровью, а тошнота то и дело подкатывала к горлу, разрывая желудок, лезущим изо рта неизвестным потоком символов.

Внезапно все бытие озарилось солнечным светом.

– Свай... – Теряя сознание, крикнул Хван Самнанг, и видение жутких глаз из белого золото заполонило собой все.

... – Да выходите вы уже! – Толо кричал, нервно расхаживая вдоль врат Маковой Крипты. Молодой герцог Догго, приехавший с визитом в Эмпайр, велел привести принцессу соляров в его опочивальню. Зная вкусы герцога, Толо очень переживал как тот обойдется с женами своих придворных, если не получит желаемое. И надо же было акабратской рабыне предупредить свою госпожу об этом. Рабыню естественно повесили. А вот принцессу, люди языка Трэкланг сумели загнать в эту чертову Маковую Крипту, будь неладен этот избитый временем пережиток архаичной эпохи.

Внутри Крипты горько плакала принцесса Джая Ченда. Она была соляром, и дочерью марионеточной династии Джая, пришедшей на смену легендарным правителям, чьи имена были позабыты в вечном проклятии, за то, что те усыпили единственных защитников их родины. Есть правда легенда, что те были больны каким-то древним проклятием. Но легенды это всего лишь легенды. А реальность была такова, что Джая Ченда, сколько себя помнила, жила в слабой стране, под чужим флагом, пользуясь чужим языком. Тэджанги только помнят, что было написано на разрушенных обелисках, и они все еще тайком поддерживают в хорошем состоянии сохранившиеся дома и предметы искусства той эпохи.

Джая Ченда горько заплакала. Судьба страны для неё сейчас была вещью несколько отдаленной, и больше беспокоила своя собственная. Ужасная перспектива стать подстилкой на ночь для герцога Догго.

– Вот бы вы были живы. – Джая Ченда ходила среди саркофагов. Их не смогли найти люди Мидланга, поскольку правом открывать и закрывать любые Врата, обладали только Савитар и их потомки. Саркофаги были испещрены письменами на Савитаре и двух других языках. Джая Ченда даже савитар понимала через слово, что уж говорить о других языках её родины.

Внезапно стены Маковой Крипты засияли теплым солнечным светом.

– Это еще что за херня? – Толо с отвисшей челюстью наблюдал возрастающее сияние. Вокруг уже собирались случайные зеваки и стража.

– Доложите герцогу, и начальнику охраны! – Рывкнул Толо, и обернулся к Крипте, удостоверившись что его приказ выполняется.

– Девка!...тьфу...Принцесса! Прекратите делать то, что вы делаете, и выходите! Герцог желает вас видеть!

Сияние лишь нарастало. Джая Ченда испуганными глазами наблюдала, как открываются сложнейшие замки саркофагов, из каждого восстают её сородичи. Чистокровные Савитар. Потягиваются, и расправляют затекшие конечности от долгого сна. Каждый из них тепло улыбается Джая Ченде, и... рассыпается в прах. Каждый. Один за другим. И когда никого не осталось, принцесса разрыдалась, так что казалось, будто сердце её сейчас разорвется. Но затем сияние стало меняться. Если раньше оно походило на солнечный свет, то сейчас скорее мрачное фиолетовое флуоресцентное свечение.

Откуда-то из-под крипты доносилось глухое чавканье. Словно кто-то дышал на дне болота. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Стена, на которой была изображена всего лишь изящная простая линия, развалилась с треском, и оттуда озираясь, держа древнее оружие, наготове стали выходить люди в диких архаичных нарядах. Кто-то был в жутких кожаных

латах, внушающих глубокий страх масках, а кто-то был в одеяниях напоминающих бутоны цветов, в чешуйчатых доспехах и шляпах нонбайтхан.

Увидев какие-то символы на полу, один из пришельцев, по виду женщина, бросилась в центр зала, изрядно напугав Джая Ченду, из-за чего та забилась в угол. Удар. Плита ломается. Под полом обнаружилась богато обставленная могила, в которой лежал симпатичный молодой человек. Женщина бросилась обнимать его и плакать. И успокоилась только тогда, когда тот устало, поднял руку и приобнял её.

– Где мы, Свай Тиен? – Спросил пришедший в себя Хван Самнанг, глядя из могилы на потолок, удивительно похожий на потолок Цветочной Крипты. – Мы что вернулись?

– Нет, мы вышли из клетки.

– Смотрите! – Воскликнул Тханг Висна, указывая на Джаю Ченду. Все кто уже был в комнате, повернулись к принцессе.

– Şohnim... bongsa junhizmat – Произнес Тханг Висна и склонил колена. Он увидел золотые волосы, огромные золотые глаза, тонкие черты тела, и признал в их обладательнице расу своих повелителей. До него не сразу дошло, что девочка была испугана, и вероятно не слова не поняла. Да и сам Тханг Висна ошарашенно понял что бегло, без всякого труда говорит на изумительно красивой лингвистической помеси Кочки Хабчана и Тумёган Годжона.

– Повелительница...мы к вашим услугам. – В ответ на

молчание Тханг Висна поднял голову. Впрочем, и остальные тоже. В крипте было не протолкнуться из-за людей.

Вскоре дверь в крипту разорвалась на куски, и внутрь ворвались люди.

– Принцесса, я же сказал вам – Раздраженно начал Толо, и тут же остолбенел глядя на армию, идущую из-под земли.

Люди Тумёган Годжон и Коччи Хабчан с неменьшим удивлением смотрели на незнакомые лица бойцов и офицеров языков Вориас и Мидланг.

– Враг у ворот! – Сумел визгливо выкрикнуть Толо и выхватить меч. Десяток бойцов впереди Толо приложили к плечу какие-то изящные длинные предметы, испещренные оптическими линиями как омнипаруса. Они шурили один глаз, словно целились из лука, и смотрели в направлении Хван Самнанга и Тханг Висны.

Джая Ченда, в этот момент решилась, и отчаянно, со слезами, все же бросилась к Тхангу Висне и залепетала на смеси Савитара и Мидланга:

– Помогите. Прошу. Помогите.

– halpkaro...kropija...halpkaro.

– Şohnim... – Потрясенно сказал Тханг Висна. – Я все понял, вы будете в безопасности.

Он конечно же ничего пока не понял, но как умел старался успокоить впервые встреченную госпожу.

Люди из существовавшего когда-то народа Дэвагоджи, злобно сощурились.

Все как один, и Коччи Хабчан и Тумёган Годжон достали свои мечи. Звон кубометров стали похоронным зовом прошёл по ушам людей из Мидланг, Трэкланг и Вориас, заставив многих из них вздрогнуть, а то и уронить оружие.

Выползший с помощью Свай Тиен из своей могилы Хван Самнанг наконец-то смог от чистого сердца, и без всякого труда сказать то слово для васильковых небес.

Это был весьма противоречивый призыв.

Под рев, сошедшихся в битве воителей, звон стали и выстрелов, это слово звучало прекрасно. Так же прекрасно как Мир над Головой. Как спокойствие летнего дня. Как аромат бесконечной, струящейся по жилам Жизни. И так же неповторимо и вкусно как слово Свобода.